

Воспоминания Ф.Ф. Вигеля

Часть 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В77

В77 Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: Часть 5 / – М.: Книга по Требованию, 2018. –
218 с.

ISBN 978-5-518-06246-7

ISBN 978-5-518-06246-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Не задолго до французской революціи, родился я: ужасы о ней разказываемые поражали даже ребяческій слухъ мой, ибо граница единственной земли, въ которой повторялось ея безразсудное эхо, находилась только въ тридцати верстахъ отъ мѣста гдѣ я выросалъ. Исполненный вѣрнопопдадничскаго чувства отецъ, благочестивая, православная мать и честный Нѣмецъ прежнихъ временъ, другъ порядка и законовъ, первые внушили мнѣ омерзѣніе къ ея неистовствамъ. Въ аристократическомъ домѣ два Француза-легитимиста довершили ими начатое. Ослѣпленный предразсудками, отъ которыхъ и поныиъ еще не краснѣю, я не только раздѣлять, но даже понимать не могъ восторговъ при имени перваго консула республики. Она въ глазахъ моихъ была продолжительнымъ преступленіемъ, а онъ былъ сынъ ея, и долго—ея подпора, ея слава. Скоро всѣ начали думать и говорить согласно съ моимъ образомъ мыслей, скоро похвалы ему превратились въ укориженную брань, и именно тогда какъ возстановилъ онъ монархическую власть и всѣ ея формы. Вольнолюбивые видѣли въ немъ тирана, истребителя свободы; царелюбцы называли его хищникомъ престола; Англія, которая тогда безпрепятственно давала направление политическимъ мнѣніямъ въ Россіи, распространяла въ ней ненависть къ нему. Вънедъ и порфира казались мнѣ запачканными его полудлебейскимъ прикосновеніемъ. Въ консулѣ, равно какъ и въ императорѣ, видѣлъ я все-таки еще революцію; она сокрушала царства, низвергала царей, она сожгла Москву. Когда человѣкъ забереть себѣ что-нибудь въ голову, то трудно доказать ему ошибку его.

Весь этот волшебный миръ, который столь яркими красками описывали мнѣ старые Французы, съ коими имѣлъ я сношенія, исчезъ въ ужасной безднѣ, подобно городамъ поглощеннымъ землею или волнами, Помпей, Геркулану или Винетѣ. Все это дореволюціонное блаженство, которое не суждено мнѣ было видѣть, и которое зналъ я по однимъ лишь преданіямъ, оставалось моею любимѣйшею мечтой; но не оставалось ни малѣйшей надежды, чтобъ этотъ золотой вѣкъ могъ когда-либо возвратиться. И вдругъ, крутой переворотъ и быстро за нимъ послѣдовавшія происшествія воскресили бывшее, навсегда казавшееся погибшимъ.

Когда, къ неописанной радости моей, громкими молитвами православнаго духовенства, оскверненная цареубійствомъ площадь была очищена и освящена; когда потомокъ святаго Лудовика, принявъ его наслѣдіе, на заблужденія, на злодѣянія минувшихъ лѣтъ набросилъ мантию его милосердія, я думалъ что все кончено. Ни мало: два человѣка, одинъ возстановитель законнаго порядка, другой, именемъ его возстановленный,—оба движимые различными чувствами, начали создавать нѣчто новое, съ духомъ времени болѣе согласное. Оба надѣялись, сънисходительностью и благодушіемъ истребить силу и затмить славу сверженнаго Наполеона. Возвратившійся Лудовикъ XVIII, на радостяхъ, народу своему пожаловалъ хартію. Съ высоты трона, добровольно изливая свободу, онъ могъ надѣяться что подданные будутъ въ немъ видѣть источникъ вѣчныхъ благъ. Долженъ повиниться въ тогдашнемъ невѣжествѣ своемъ: не обративъ должнаго вниманія на хартію сію, я почиталъ ее новымъ образованіемъ, утверждающимъ королевскую власть. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ камерахъ, вездѣ преимущественно стали показываться Ноальи и Граммоны, Монморанси и Роганы, Ларошфуко и Бофремоны, и я былъ предоволенъ. Но не прошло года, и Франція доказала что желѣзный скипетръ и мечъ Наполеона предпочитаетъ она всѣмъ хартіямъ.

Графъ Прованскій, иначе Мосье, не имѣлъ во нравѣ ничего схожаго съ двумя добродушными братьями своими, старшимъ благочестивымъ и меньшимъ — въ молодости вѣтреннымъ шалуномъ. Онъ былъ настоящій Французъ восемнадцатаго вѣка, слегка философъ, волтеріанецъ, слегка англоманъ. Не насъ однихъ можно упрекать въ страсти къ

подражанію; этой слабости кажется подвержена большая часть человечества. За нѣсколько лѣтъ до революціи, у Французовъ, точно также какъ нынѣ у насъ, вошло въ обычай поносить все отечественное, ругаться надъ нимъ и восхищаться однимъ только иноземнымъ, то-есть англійскимъ. Слѣдуя общему движенію, королевскій братъ углубился въ разсмотрѣніе образованій всѣхъ государствъ, но преимущественно съ прилежаніемъ сталъ изучать чудный механизмъ великобританской правительственной машины, вершъ совершенства между изобрѣтеніями людей. Небо Франціи омрачилось, грозило королевской власти, и можетъ быть тайно надѣялся онъ возстановить ее въ своей особѣ, посредствомъ своихъ новыхъ теорій. Онъ былъ начитанъ, много писалъ, любилъ поавторствовать, и родясь на ступеняхъ трона, подходилъ однакоже на нынѣшнихъ профессоровъ и адвокатовъ! Но онъ былъ скромень, осторожень, и подобно родственнику своему, развратному герцогу Орлеанскому, не вступалъ въ явную оппозицію. Первые взрывы революціи не испугали его, и когда, послѣ взятія Бастиліи, графъ д'Артуа покинулъ отечество, около двухъ лѣтъ оставался онъ еще спокойнымъ зрителемъ народныхъ бурь. Послѣ долгихъ странствованій послѣднее убѣжище нашелъ онъ въ Англіи, и тамъ вблизи могъ любоваться устройствомъ ея. На гостепріимное лоно любимой имъ земли, казалось, навсегда склонилъ онъ отягоченныя тучностію тѣло и думами главу. Въ уединеніи своемъ не переставалъ онъ мечтать объ устройствѣ, которое далъ бы онъ Франціи еслибъ она соблаговолила призвать его. Возвращаясь въ нее, онъ несъ въ рукахъ любимое чадо свое— плодъ долголѣтнихъ досуговъ, въ тишинѣ Гартвеля имъ взлѣблянное. Оно и спасло Францію отъ вторженія Наполеона, и скорѣе открыло ему путь въ нее, но родительская любовь никогда не позволила ему разстаться съ нимъ.

Высокая ученость почти всегда отдѣляетъ людей отъ дѣйствительности жизни. Внѣшняя мудрость въ бархатныхъ сапогахъ совсѣмъ не постигла народный духъ Французовъ. Лудовикъ XVIII полагалъ, что, подобно Англіи, самые жаркіе споры въ его камерахъ будутъ исполнены достоинства, сопровождаемы приличіемъ. Напрасно: у этого народа словопреніе тотчасъ обращается въ безчинство, ругательство, а оппозиція не что иное какъ постоянный мятежъ.

Важную ошибку на вѣскомъ конгрессѣ вижу я въ непризнаніи австрійскаго императора попрежнему римскимъ и главою Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе сдѣлано вслѣдствіе дружелюбнаго угожденія Пруссіи, которая давно домогается взять первенство между нѣмецкими государствами и повелѣвать ими. При Оттонахъ, которые по примѣру Карла Великаго приняли титулъ римскихъ императоровъ, Германія дѣйствительно заняла первое мѣсто въ Европѣ: Италия то возставала на нее, то покорялась ей. Крупныя и мелкія части, на кои была она раздроблена, время переплело въ одинъ большой форматъ, и на заглавномъ листѣ стояло имя избраннаго императора, болѣе или менѣе сильнаго. Порядокъ сей, существовавшій нѣсколько столѣтій, былъ нарушенъ Наполеономъ, который самъ себя насильственно поставилъ на мѣсто законныхъ императоровъ. Зачѣмъ же, послѣ паденія его, не возстановить было прежній порядокъ? Всѣ эти владѣнія нажалованныхъ имъ королей и великихъ герцоговъ сдѣлались летучими листками (*feuilles volantes*), на живую нитку пришитыми къ Франкфуртскому сейму. Одни уступили ранѣе, другіе позже, и началась не сильная, но постоянная борьба. Нигдѣ не было единства, ни откуда не было главнаго надзора, ни могущаго вліянія. Австрія, единственная твердая блюстительница общенароднаго спокойствія, довольствовалась сохраненіемъ его у себя дома: еслибы дано ей было болѣе власти и правъ, она конечно водворила бы его и въ другихъ германскихъ странахъ. Непокосимая въ системѣ управленія своего, Австрія сдѣлалась для всей почти Германіи предметомъ ненависти и презрѣнія, совѣмъ не ужаса, и съ каждымъ годомъ становилась ей болѣе чуждою. Императорскій титулъ присвоенный одному небольшому герцогству, около котораго наизаны разнонародныя королевства, гораздо обширнѣе и многолюднѣе его, казался несообразностью. Въ столь неопредѣленномъ положеніи, мудрено ли что Нѣмцы, среди продолжительнаго мира, пользуясь всѣми плодами его, величайшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, все еще недовольны, желаютъ лучшаго, и разединенные вѣскимъ конгрессомъ, ищутъ опять единства? Они волнуются, тоскуютъ, дерзко говорятъ и пишутъ, и замышляютъ что-то недоброе.

Но какъ назвать возстановленіе свободной Польши само-

держцем всероссійскимъ? Неизвѣстно кто въ малолѣтствѣ еще успѣлъ увѣрить Александра, будто возвращеніе Россіи отторженныхъ отъ нея западныхъ ея областей должно почитаться преступленіемъ его бабки. Привязанность къ нему польскихъ его подданныхъ Полякомъ Чарторыйскимъ представлена была ему какъ невольное сердечное влеченіе, а русская добродушная преданность казалась ему простымъ исполненіемъ обязанности. Когда на пути въ Берлинъ, въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъявленій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда Поляковъ съ новою силой обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него, еслибы по долгу своему онъ не захотѣлъ отдѣлять себя отъ нея, ни ужасы и опустошенія, которыя ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ произвели они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливость.

Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавались для Россіи.

II.

Поговоривъ о царяхъ, о важныхъ политическихъ интересахъ Европы, я долженъ теперь обратиться къ малозначущей особѣ своей, для которой въ семъ 1816 году пришла эпоха жизни болѣе дѣятельной, не совсѣмъ бесполезной, какъ было дотолѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ, графъ Ламбертъ прислалъ пригласить меня къ себѣ въ канцелярію. Въ объясненіяхъ, которыя мы имѣли, увидѣлъ я чистосердечное желаніе быть мнѣ полезнымъ. „Вы теперь ничего не дѣлаете, не хотите ли чѣмъ-нибудь заняться? представляется къ тому случай,“ сказалъ онъ мнѣ. „Слыхали ли вы о генералѣ Бетанкурѣ? онъ въ большой довѣренности у государя и по части механики можно почитать его европейскою знаменитостью.“

Число фальшивых ассигнацій умножилось; надобно переменить ихъ форму; для того хотятъ устроить особую фабрику, и государю угодно было дѣло это поручить Бетанкуру. Черезъ это поставленъ онъ въ близкія сношенія съ министромъ финансовъ, вовлеченъ въ частую переписку съ нимъ и другими вѣдомствами, а ни языка русскаго, ни русскіхъ формъ вовсе не знаетъ. Ему нуженъ чиновникъ, который бы хорошо зналъ французскій и русскій языки, и на котораго бы могъ совершенно положиться. Онъ просилъ меня о присланіи ему такового: я былъ коротко съ нимъ знакомъ въ Мадридѣ, когда я находился тамъ секретаремъ посольства: я ему назвалъ васъ, но не смѣлъ общать ему вашего согласія. Сегодня вечеромъ поѣдемте къ нему вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ это будетъ для васъ пріятное знакомство. Первоначальныя занятія ваши при немъ не будутъ имѣть для васъ ничего обязательнаго, вы будете трудиться почти частнымъ образомъ: пройдетъ недѣли двѣ, три, не болѣе, и вы увидите полюбились ли вы другъ другу; тогда, продолжая оставаться въ министерствѣ, можете вы официально быть къ нему откомандированы, и изъ суммъ назначенныхъ на заведеніе и устройство ассигнаціонной фабрики можно будетъ удовлетворять васъ приличнымъ содержаніемъ. Впрочемъ, это ни мало не измѣняетъ нашихъ прежнихъ условій; мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и славною квартирой, при службѣ не весьма утомительной, которое предложилъ я вамъ къ комиссіи погашенія долговъ, откроется вмѣстѣ съ нею не ближе какъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Оно васъ ожидаетъ, и до тѣхъ поръ пройдетъ довольно времени, чтобы вамъ на что-нибудь рѣшиться“.

Мы нашли Бетанкура одного въ обширномъ кабинетѣ. Оно усадилъ насъ вокругъ письменнаго стола своего, разговориася, и знакомство съ нимъ сдѣлалось у меня скоро. Старикъ показался мнѣ живымъ, веселымъ, но не менѣе того почтеннымъ.

Согласно сдѣланнымъ наканунѣ предварительнымъ условіямъ, на слѣдующее утро, явился я опять къ нему въ тотъ же кабинетъ. Онъ самъ вынулъ мнѣ небольшую кипу бумагъ, прося меня привести ихъ въ порядокъ. Я разобралъ ихъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣла у меня будетъ не много. Затруднительно было только каждую бумагу писать

вдвойнѣ: Бетанкуръ не хотѣлъ подписывать того чего не понимаетъ, а казенныя мѣста не обязаны были знать по-французски. И для того, на перегнутомъ пополамъ листѣ, на одной половинѣ французское подписывалъ Бетанкуръ, а на другой русское скрѣплялъ я. Надобно было написать сперва бумагу, потомъ перевести ее, переписать и, наконецъ, занести ее подъ номеромъ въ особую тетрадь. Новый начальникъ мой дивился геніяльности моего проворства. Малое количество, самое содержаніе и краткость сихъ бумагъ одни дѣлали трудъ сей неважнымъ.

Долго суждено мнѣ было находиться при этомъ человѣкѣ. По многимъ отношеніямъ онъ былъ лицо весьма примѣчательное, особенно же какъ выраженіе духа времени, смѣшенія аристократическихъ предразсудковъ съ плебейскими промышленными наклонностями. Вотъ почему его самого, семейство его, все что мнѣ извѣстно о его жизни, хочу я изобразить здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Не подалеку отъ Лилля, во французской Фландріи, и нынѣ можно найти городокъ или селеніе Бетанкуръ. Предки русскаго генерала были его владѣтелями и сохранили его названіе. Извѣстно что за люди были эти *сирь*. Когда, при герцогахъ бургундскихъ, вся эта страна начала процвѣтать и приянты были сильныя мѣры для безопасности жителей ея богатыхъ, торговыхъ и промышленныхъ городовъ, то владѣтели замковъ, лишившись средствъ, стали вооруженною рукой дѣлать поборы на большихъ дорогахъ, и даже грабительство свое, по сосѣдству, перенесли на другую свободную стихію. Услугами сихъ пиратовъ воспользовалось правительство небольшого Португальскаго королевства, которое, будучи прижато къ Атлантическому океану, на него безпрестанно устремляло взоры свои и на его пространства единственно искало себѣ чести и прибыли. Оно не обманулось: еще до Христофора Колумба и Васко - де-Гама, смѣлыми португальскими мореплавателями обрѣтены острова Зеленаго Мыса, Мадера и Азорскія острова и розданы имъ. Морякъ Бетанкуръ одинъ изъ сихъ острововъ съ графскимъ титуломъ получилъ въ свое владѣніе; иные говорятъ—даже Мадеру, но я за это не ручаюсь. Только потомки его, видно, лишились своего острова, ибо сдѣлались гишпанскими подданными и жителями Канарскихъ острововъ; и нашъ Бетанкуръ родился на счастли-

вомъ Tenerивскомъ Пикѣ, въ счастливые для Гиспаніи дни короля Карла III.

Есть искусство во время родиться и во время умирать: въ числѣ другихъ Бетанкуръ имѣлъ и это искусство. Что было бы съ нимъ, еслибы родился онъ ранѣе? Изъ рукъ самой природы вышелъ онъ механикомъ. Заботясь о благѣ государства своего, Карлъ III устраивалъ тогда славныя, покойныя дороги, строилъ мосты, рылъ каналы и чистилъ Гвадалквивиръ, однимъ словомъ, создавалъ въ Гиспаніи все то чего ей не доставало. Ему нужны были инженеры и архитекторы, для нихъ заводилъ онъ школы и, подобно Петру Великому, подданныхъ своихъ посылалъ учиться за границу. Отправленный имъ въ Англію, Бетанкуръ провелъ тамъ молодость свою. Когда Годой, князь постыднаго мира, ввелъ Бурбона Карла IV въ дружественныя сношенія и союзъ съ французскою республикой, и гиспанскимъ подданнымъ открылся свободный путь въ Парижъ, то Бетанкуръ воспользовался тѣмъ чтобы посѣтить сей городъ, гдѣ послѣ революціи искусственная часть во всѣхъ отрасляхъ промышленности стала достигать совершенства. Возвратясь въ отечество, сдѣлался онъ нѣчто въ родѣ начальника сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, полагать должно, не выше того что у насъ директоры департаментовъ.

Съ нимъ въ Мадридѣ коротко былъ знакомъ посланникъ нашъ Муравьевъ-Апостолъ, и желая угодить государю, который имѣлъ одинаковые вкусы съ Карломъ III, старался подговорить его пріѣхать въ Россію; но онъ никакъ не могъ рѣшиться. Замѣтивъ, однакоже, что Наполеонъ отечество его съ каждымъ годомъ болѣе подбираетъ въ мощныя когти свои, и предвидя бѣду неминуемую, самъ наконецъ предложилъ себя. За условленную цѣну, по контракту заключенному съ нимъ какъ съ знаменитымъ художникомъ, не болѣе, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ осенью 1807 года. Сумма по условію ему назначенная, была не маловажная; двадцать-четыре тысячи рублей ассигнаціями, что нынѣ составило бы около девяноста тысячъ. Танцовщицы и пѣвицы, на которыхъ деньги сыплютъ нынѣ безъ счета, едва ли столько получаютъ, а онъ тоже нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ разряду артистовъ: гиспанскому Гранду столько бы не дали. На его бѣду, въ самое время пріѣзда его, курсъ на серебро

началъ возвышаться, а на ассигнаціи быстро упадать. Увидѣвъ, что черезъ это лишается онъ болѣе двухъ третей ожидаемаго, сталъ онъ громко роптать: безпрестанно умножая содержаніе его, довели его, наконецъ, до шестидесяти тысячъ рублей. Онъ этимъ не остался совершенно доволенъ: замѣтивъ что въ землѣ куда онъ пріѣхалъ чинъ и военный мундиръ преважное дѣло, сталъ требовать того и другаго, и его приняли въ службу генераль-майоромъ по арміи. Тогда притворился онъ обиженнымъ, утверждая что чинъ сей слишкомъ малъ для человѣка, который въ отечествѣ своемъ былъ министромъ; не вдругъ, но черезъ два года произвели его генераль-лейтенантомъ. Не помню за что государь пожаловалъ ему Аннинскую ленту; онъ отослалъ ее назадъ, утверждая что ему, кавалеру св. Іакова Компостельскаго, неприлично принять орденъ ниже его, и наоборотъ государь прислалъ ему Александровскую ленту. Кто не знаетъ, что орденъ св. Іакова равно какъ и ордена Ависа, Алкантары, Калатравы, Монтеза суть военно-монашескія братства, разсѣянные по Португаліи и Гиспаніи, и что Мальтійскій почитается гораздо выше ихъ? Но его ничѣмъ не хотѣли оскорбить.

Я не вижу его: по понятіямъ, которыя имѣютъ на югѣ и на западѣ Европы, въ землѣ сѣверныхъ варваровъ иностранцы ничего не могутъ выиграть скромностію, а все могутъ брать смѣлостію, наглостію. Съ такимъ содержаніемъ, въ такомъ чинѣ, нетрудно было потомку владѣтельныхъ графовъ Мадеры и его семейству приписаться къ нашей аристократіи. Въ нее такъ и врѣзалась, такъ и засѣла въ ней жена его, Анна, которой особа имѣла краткость сего имени и совершенно форму небольшой ступки или иготи. Она была католичка, Англичанка съ французскимъ прозваніемъ, урожденная Жорданъ, какъ она подписывалась, не знаю для чего: кому была до того какая нужда, и чѣмъ могло это умножить ея достоинство. Надобно полагать, что съ молодю была она красива собою; безъ того, кто бы велѣлъ Бетанкуру жениться на ней, когда она была низкаго состоянія? А сѣсива была она такъ, что не приведи Богъ.

Къ счастью, дочери ни съ какой стороны не походили на Анну Ивановну, а скорѣе на родителя, Августина Августиновича. Когда онѣ пріѣхали въ Петербургъ, старшая, Каро-

лина, еще молодая, начинала уже дурнѣть и старѣть, вторая, Аделина, поразила всѣхъ своею красотой, а меньшая, Матильда, была еще ребенкомъ. Жаль было смотрѣть на этихъ милѣйшихъ дѣвицъ, когда переступали онѣ за двадцать лѣтъ. Цвѣтъ лица ихъ вдругъ начиналъ портиться, становиться багровымъ, кожа начинала грубѣть и покрываться угрями. Жаръ въ крови вырывающійся наружу, былъ у нихъ наслѣдствомъ отъ отца, котораго лице въ старости безобразилъ густо малиновый цвѣтъ. Когда я началъ ихъ знать, одна только пятнадцати-лѣтняя Матильда плѣняла наружностью; а двѣ старшія давно уже перешли за краткій срокъ, который жестокая къ нимъ природа дала ихъ прелестямъ. Но было имъ чѣмъ замѣнить эту великую потерю: каждое слово ихъ выражало грацію ума и сердца; съ восхищеніемъ можно было слушать ихъ, когда играли на арфѣ и на фортепіано, съ восхищеніемъ любоваться ихъ рисунками и ихъ народною пляскою фанданго и болеро; о качучѣ тогда еще помина не было. Можно ли было удивляться безпредѣльной нѣжности къ нимъ отца, и кто бы не былъ ими счастливъ?

Въ жилахъ у старика пылалъ еще жаръ раскаленного неба, подъ которымъ онъ родился, и какъ всѣ вспыльчивые люди имѣлъ онъ доброе сердце и веселый нравъ. Ума было у него пропасть, и разговоръ его былъ занимателенъ. Аристократическое чувство, правда, никогда не покидало его даже за станкомъ, за которымъ всегда трудился онъ когда не было у него другаго дѣла; но онъ принадлежалъ къ восемнадцатому столѣтію, въ которомъ общею поговоркой было: *poli somme un grand seigneur*, — учтивъ какъ великій баринъ. Читатель, съ которымъ какъ можно короче старался я познакомить себя, не удивится, узнавъ что съ такимъ человекомъ мы скоро и близко сошлись.

Да какая же была его настоящая должность? можно спросить, и вѣдь не самъ же онъ дѣлалъ машины? Для того чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно за нѣсколько лѣтъ воротиться назадъ и вкратцѣ разказать исторію одной изъ важныхъ отраслей государственнаго управленія. При Екатеринѣ учреждена экспедиція водяныхъ коммуникацій и поставлена на ряду съ коллегіями. При ней весьма благоразумно и успѣшно управлялъ этою частью одинъ гражданскій чиновникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Си-